

Б. В. Федоренко

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ ШКАФ

Связки фамилий и имен, и сами по себе, и соотнесенные с тем или иным событием и обстоятельством, бывают самыми разнотипными, иногда просто неделимыми, бывают, в том числе, и неожиданными. Достоевский Михаил и Федор, Достоевский в Колтовских улицах, Достоевский в Омске, Достоевский и Пушкин, Достоевский и Тургенев. Или вот еще и такая связка: Федор и Анна Достоевские, Ульянов (Ленин), Коротков. Первая названная здесь фамилия и следующая в каких-либо пояснениях, естественно, не нуждаются. Другое дело — последняя. Почему Коротков? Кто он такой? И потому наперед отметим: Коротков Александр Яковлевич, артельщик.

Семья Достоевских и Коротков — начало связи.

Весной 1911 г. Анна Григорьевна, порешив окончательно не связывать себя на время постоянной квартирой, начала поиски недорогого и надежного склада для сдачи семейного имущества на хранение. И такой склад нашелся почти рядом: она жила на углу Знаменской и Кировой улиц, склад — на улице Новгородской, в доме № 10.

Но сколько ушло времени и сколько стоило труда, чтобы все пересмотреть, все пересчитать, все разместить и потом уже уложить, увязать, упаковать и описать?!

Все это вобрали в себя списки, в том числе и список «Вещей г-жи Достоевской, доставленных 15 июля 1911 года в склад Общества для заклада движимого имущества».

В «Списке г-жи Достоевской»:

— Предметы мебели: столы (обеденный, письменные, круглый, продолговатый, с ящиками и без ящиков, ореховые, ольховые), столики, бюро дамское полированного дерева, стулья (дубовые, мягкие, крытые мягким плюшем, восточными вышивками, золоченые), буфет, кресла (низкие и высокие, мягкие, большие, перед письменным столом), диван, шкафы (книжные с двумя и одним стеклом, простые, для платья), этажерки (красного дерева, маркетри), вертушки для книг красного дерева, зеркала, подставки, колонки;

— Посуда: сервизы (чайные, обеденный), чашки, вазы и абажуры, часы стенные, лампы;

— Сундуки: большие (черные, красные, коричневые) и еще большие (черные, красные), средние (черные, красные);

— Ящики и ящики (с книгами, фотографиями, письмами, документами).

И еще и еще: пачки, и пачки, и свертки — и все под определенными номерами, и некоторые с дополнительными, позднее сделанными пометами: «Взято и вновь привезено», «Дублиеты музея», «Сумка с музейными материалами», «Юбилейное издание», «Стенная из передней лампа», «Книги из моей гостиной», «Письма разных лиц», «Дорожная шкатулка», «Мой дубовый шкаф для лекарств».

Но присоединим к этому вообще-то неполному и, может показаться, однообразному и скучному перечню еще и заметки Анны Григорьевны:

«Я подарила Федору Михайловичу на рождество 1880 года, за месяц до его смерти, раму для „Дрезденской Мадонны“».

«В год нашей свадьбы портмоне с орденской лентой».

«После приезда в Петербург бювар на стену».

«1875 год. Чернильница и подсвечник».

«1878 год. Бронзовый подсвечник».

«Перед Пасхой 1880 года раму для его черного портрета (он сам увидел)».

«Письменный стол».

«Шкаф для книг. 1878 год».

«Продолговатый стол, ореховый».

«Вместе покупали черное бархатное небольшое пальто. Красный платок, большой плед, шкаф для вещей, буфет, мебель, красный фарфоровый сервиз (из 4 вещей с подносом). Купили вместе большое кресло перед письменным столом (в день объявления войны), наш диван, на котором он умер. Этажерку мне. Любил бронзовый небольшой подсвечник и чернильницу»¹.

И все это Достоевская отправила на склад и поручила Короткову, артельщику, беречь. Он принял, выдал квитанции и хранил доверенное целых восемь лет.

Три квитанции-расписки Короткова А. Г. Достоевской.

Первая от 18 мая 1911 г.:

«1. Сорок четыре (44-е) предмета: ящики, сундуки, столы и мягкая мебель. Принял Ар. А. Коротков».

2. 6-ть мест разных, кровать с пружинным матрасом. Принял Ар. А. Коротков».

Вторая от 20 мая 1911 г.:

«1. 24-и места, буфет, шкаф и стулья. Принял. Ар. А. Коротков».

Третья от 23 мая 1911 г.:

«1. 30-ть мест разной мебели, зеркала и столик книжный. Принял Ар. А. Коротков»².

Что же касается Короткова, то сведения о нем — из справочных изданий «Весь Петербург», «Весь Петроград» и из «Справки о служащих Общества для заклада движимого имущества в Петрограде», составленной 25 сентября 1919 г.

¹ ИРЛИ, ф. 100, № 30783, л. 74, 74 об.

² ИРЛИ, ф. 100, № 30783, между листами 229 об. — 230.

За 1911–1914 гг. только его адрес: Новгородская ул., дом 10.

За 1915–1917: мебель (торговля), склад по Новгородской ул., дом 10.

А в упомянутой справке о служащих Общества за 1919 г. записано по графам:

- «1. Фамилия, имя, отчество: Коротков Александр Яковлевич.
2. Занимаемая должность: Артельщик, кладовщик.
3. Возраст служащего: 55 лет.
4. Месячный оклад жалованья: 3450 рублей.
5. Адрес предприятия: Новгородская 10.
6. Местожительство служащего: Новгородская 10.
7. Желание остаться на службе: „да“»³.

Но желание Короткова, его добропорядочность, многолетний опыт оказались не столь уж решающими. И вот он, почти в шестьдесят лет, выдворен из собственной квартиры и вынужден сучить дратву, ладить союзки и постигать искусство заплат и набоек на вконец разбитые ботинки и сапоги. Так, по крайней мере, можно понять запись в справочнике «Весь Петроград» за 1923 год: «Сапожник, улица Кирилловская»⁴.

Имущество Достоевских, оставленное на складе, с какого-то времени оказалось даже не имуществом, а неким объектом действий всяких комиссий, отделов, советов и организаций, названия которых представляются теперь даже весьма странными. Но касательство, кратко скажем, к домашней утвари и обстановке они имели или должны были хотя бы какое-то иметь. Чрезучет, Межведомственная комиссия при Горпродукте, Особая комиссия Совета Оборона, Антикварно-оценочная комиссия при Комиссариате торговли, Центральный контрольно-учетный отдел Совета народного хозяйства Северного района, Чрезвычайная тройка по учету и переписи народного хозяйства, Комитет по разгрузке складов и т.д., и т.п.

Их (этих комиссий и комитетов) отношение и касательство к сундукам и ящикам, к сверткам и тюкам, к мебели и посуде семьи Достоевского — в двух постановлениях, опубликованных в газетах: «Северная коммуна», № 45 (238), от 26 февраля 1919 года (первое) и «Известия ВЦИК», № 201 (1048), от 11 сентября 1920 года (второе). И каждое очень глубокого смысла.

Первое.

«Постановление Совета комиссаров Союза коммун Северной области об имуществе национализированных складов.

1) Все имущество, находящееся на складах, является имуществом, принадлежащим Российской Советской Республике, а отнюдь не отдельным учреждениям или организациям.

2) Всё имущество подразделяется на четыре категории: а) Имущество, представляющее художественную или историческую ценность, или имущество, имеющее музейное значение, б) Имущество, подлежащее экспорту

³ ЦГАЛИ СПб, ф. 1341, оп. 1, ед. хр. 1284, л. 30 об.

⁴ Весь Петроград на 1923 год. Пг., 1923. Отд. 3. С. 250.

за границу, в) Имущество, подлежащее фабрично / заводским предприятиям, г) Имущество, подлежащее распределению среди населения».

Постановление состоит из длинного ряда статей, но, собственно, приведенные первые две статьи составляют самую суть Постановления. Каждая последующая — уже как бы в развитие предшествующей.

Какие только вопросы не возникают при чтении Постановления, сразу и немедленно! Но ограничимся одним только: почему семья Достоевского (многие другие так же), почему дети писателя, его наследники, оказались без вины виноватыми перед новой Республикой, почему имущество, им и только им принадлежащее, оказалось за решёткой статей постановления, в сетке его пунктов а, б, в, г?!

Ответа Постановление не содержит и, скорее, даже оправдывает что-то схожее с действиями мужика Лабути, хитроватого и наглого, с которым познакомил россиян Есенин:

В захвате всегда есть скорость:
«Дашь! Разберемся потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

Но Лабутю окоротили. С Постановлением же и не подумали «разбираться» даже и «потом». Более того, укрепили Постановлением Совета Народных Комиссаров.

Вот содержание его — от и до:

«Совет Народных Комиссаров постановил:

Предоставить Петроградской Чрезвычайной учетной комиссии право обследовать все склады Петрограда, в чьем бы ведении эти склады ни находились. Все ведомства и должностные лица обязаны оказать Учетной комиссии всемерное и полное содействие в ее работе по обследованию складов.

Все лица и учреждения, уполномоченные по вопросам изъятия и учета, обязаны производить свою работу через Чрезучет.

Председатель Совета Народных Комиссаров

В. Ульянов (Ленин)

11 сентября 1920 г.»

Мог ли Ф. М. Достоевский, разглядевший деяния петенок верховенских, увидеть еще и Чрезучет? Могла ли Анна Григорьевна предполагать, что книги, ее мужем написанные и ею изданные, и просто стенная лампа из передней в квартире, и порядком просевший пружинный матрац станут пунктами в ведомостях изъятия и учета?

Но так в документе, навеки закреплённом подписью первого лица государства.

И вот состоявшаяся связка:

Достоевские, Ульянов, Коротков.

Она было возникла в силу Постановления от 11 сентября 1920 г. и вновь распалась после Постановления от 11 сентября 1920 г.

Семья Достоевских исчезла за «изъятием и учетом»; Коротков, назначенный оберегать, сделался ненужным, взамен потребовались лица, которые через Чрезучет могли бы взламывать, вскрывать, вспарывать, выворачивать, вытаскивать.

Весь массив имущества Достоевских, не имевший, как кому-то представилось, «художественной или исторической ценности», удивительным и «подлежащим» образом «распределился» бесследно и без остатка.

Впрочем, нет: какую-то часть имущества заботами и стараниями сотрудников Отдела охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины удалось от гибели отстоять. Но пусть и о «распределении» и обо всем убереженном расскажут документы, которые, может быть, должны составить какую-то важную часть музейной экспозиции.

Выделим, помимо газет с Постановлениями, только некоторые из них.

1. «Список вещей г-жи Достоевской, доставленных в склад 15–18 июня 1911 года».

2. В архиве Эрмитажа (ф. 4, № 436) хранится дело с надписью на первой странице обложки: «Лен. гос. Музейный фонд. № 837. Достоевский. № III, Опись II. Описи и переписка о поступлении из склада Ломбарда (Новгородская, 10) предметов, связанных с именем писателя Ф. М. Достоевского, в Отдел охраны, учета и регистрации памятников искусства и старины и о передаче их в Пушкинский Дом. Дело начато 15 ноября 1920 г. Кончено 7 ноября 1921 г. На 8 листах».

3. Отношение Пушкинского Дома от 8 ноября 1921 г. в Отдел по охране, учету и т. д. с сообщением о принятых от Отдела рукописей и книгах Достоевского согласно описи⁵.

4. «Опись предметов, имеющих историко-литературное значение, принадлежавших вдове покойного писателя Достоевского, находившихся на складе Ломбарда по Новгородской ул., д. № 10 и подлежащих сдаче в Пушкинский Дом»⁶.

5. Удостоверение сотрудника Отдела учета и т. д. с поручением осматривать, с правом наложения печатей, вещи, находящиеся на складах, при конфискации и распределении их, и предметы, «за коими вы признаете художественную ценность, перевозить в кладовые Отдела»⁷.

6. Рекомендация (октябрь 1919 г.) Особой петроградской комиссии Совета Обороны по разгрузке складов — производить вывоз из складов художественных предметов «в контакте с Экспертно-оценочной комиссией»⁸.

7. Страница журнала Совета Отдела охраны и т. д. (Журнал № 38а, 18 ноября 1920 г.): «Слушали: Заявление <...> об обнаруженном на складе Ломбарда (Новгородская, 10) письменного стола и др. вещей, принадлежавших Ф. М. Достоевскому, а также большого количества юбилейного издания его сочинений, рукописей и пр.

⁵ Архив РАН, ф. 150, оп. I (1919), л. 142.

⁶ Там же, л. 146, 146 об.

⁷ ЦГАЛИ СПб., ф. 2920, оп. I, № 338, л. 7.

⁸ Там же, л. 34.

Постановили: Поручить 2-ой секции произвести обследование и принять меры к охране обнаруженных литературно-исторических ценностей, связанных с именем Ф. М. Достоевского»⁹.

8. Страница журнала 2-ой секции Отдела по охране и т.д. (Журнал № 46 от 30 ноября 1920 г.): «Слушали: Заявление <...> о том, чтобы при отборе и изъятии вещей Достоевского брать книжный материал и вещи, имеющие биографическое значение.

Постановили. К сведению»¹⁰.

9. Дело с отчетами сотрудников Отдела охраны и т. д. о работе. Начато 6 июля 1918 г., окончено 26 ноября 1922 г.

Выдержка за ноябрь и декабрь 1920 г.

«По делу Достоевского. Ломбард, склад по Новгородской, 10. Разборка книг и рукописей и других предметов, связанных с именем Достоевского, составление описи, упаковка, перевозка в Пушкинский Дом (7 перевозок)»¹¹.

Отдельно изданные произведения Достоевского, полные и неполные комплекты собраний его сочинений, рабочие тетради Анны Григорьевны, фотографии, письма разных лиц, несколько папиросных гильз, коробка из-под табака, бронзовая маска, барельеф — вот отправленное из склада ломовыми извозчиками. Отправленное и сохраненное.

И еще книжный шкаф из «имущества подлежащего» по пунктам б, в, г Постановления Совета Комиссаров Союза коммун Северной области.

Поиски этого шкафа, многоуважаемого совсем не по-гаевски, привели вдруг, в 1970 г., когда создавался музей Ф. М. Достоевского, к посещению на улице Шпалерной-Воинова-Шпалерной библиотеки Высшей партийной школы. Две сотрудницы, конечно старейшие, решительно уверяли: «Вот шкаф, это шкаф Достоевского. Мы очень стараемся его беречь, берегли тоже бумажную наклейку на стекле дверцы шкафа, с внутренней ее стороны, с выведенной чернилами надписью, крупными буквами, по старой орфографии: „Шкафъ изъ кабинета Ф. М. Достоевского“». На беду, наклейки теперь нет. Уборщица, случайная какая-то, в очередной раз протиравшая шкаф, решила наклейку соскоблить и соскоблила. Но шкаф — он самый, шкаф Достоевского.

Теперь шкаф опять в кабинете последней квартиры Достоевского на своем привычном месте. Ректорат ВПШ соизволил все же вернуть в продолжение какого-то времени школе принадлежавшее, правда в обмен на два новых полированных и уродливых шкафа.

Многоуважаемый шкаф стоит, наполненный книгами. Его створки, створки именно этого шкафа, случалось, открывал и Федор Михайлович.

⁹ Там же, № 379, л. 80 об. № 66, л. 39 об.

¹⁰ Там же, № 80, лл. 85, 86.

¹¹ Там же, № 379, л. 80 об.